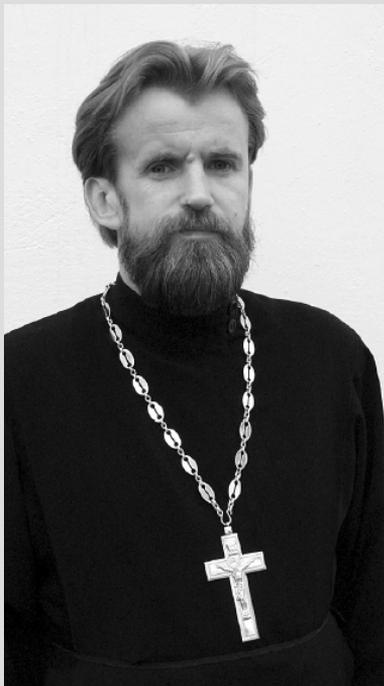

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ СО ВРЕМЕНИ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В XIII ВЕКЕ ДО УЧРЕЖДЕНИЯ В ЕГО ПРЕДЕЛАХ ОТДЕЛЬНОЙ МИТРОПОЛИИ (1458 Г.)

Протоиерей
Федор КРИВОНОС

Белгосуниверситет (исторический факультет) — 1985, Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия — 2001, Минская Духовная Академия, кандидат богословия — 2008.

В XIII веке в церковной жизни предков белоруссов наступил период упадка с некоторыми перерывами растянувшийся на несколько столетий. Церковная жизнь в Западной Руси продолжалась: строились храмы (в XIII ст. только деревянные), основывались новые монастыри (в основном со вт. пол. XIV в.), однако за редким исключением жизнь местной Церкви не ознаменовалась в XIII — первой половине XV веков высокими достижениями в духовной области своего устроения. Проявившийся в этот период упадок был обусловлен рядом серьёзных причин.

Нельзя не учитывать того, что Византийская империя, служившая оплотом восточно-христианской цивилизации, после захвата её крестоносцами (1204 — 1260) стала неуклонно приближаться к краху, наступившему в 1453 году. Резкое ослабление греческой империи в XIII столетии негативно отразилось на состоянии дел в Киевской митрополии, включавшей Западную Русь. Но не это явилось главным.

Во многом упадок был порождён теми процессами, которые определяли течение политической жизни в Восточной Европе XIII века. Феодалная раздробленность древнерусских княжеств, сильно проявившаяся уже в XII столетии, привела к крайнему ослаблению восточнославянских земель, чем неприменули воспользоваться ближние и дальние соседи наших предков.

В конце XII — начале XIII веков заметную активность начинает проявлять Литва, в своих набегах на Волынскую, Смоленскую, Псковскую земли, беспрепятственно проходившая Западную Русь. Мелкие и слабые княжения Полоцкой и Туровской земель оказались бессильны противостоять её вторжениям и, вероятно, про-

пускали литву через свои территории, с тем условием, чтобы она грабила больше их соседей, оставляя в покое Западную Русь. При этом, однако, нельзя исключать и того, что от набегов литвы время от времени страдали также и западнорусские земли. В летописях отсутствуют какие-либо упоминания о существовании в XIII столетии ранее известных: Минского, Друцкого, Заславского, Логойского, Клецкого, Слуцкого княжеств. Возможно, этот «провал» в их истории и был связан с нападениями литвы.

Положение западнорусских земель ещё более осложнилось после нашествия на Северо-Восточную и Южную Русь татаро-монгол (1237 — 1240), превратившихся в реальную угрозу и для предков белорусов. Их нашествие совпало по времени с объединением в единый Ливонский орден (1237) двух ранее утвердившихся в Прибалтике немецких орденов: Меченосцев (1202), и Тевтонов (1230), вскоре обрушившихся всей своей военной мощью на литовцев и Западную Русь.

Страшная угроза со стороны татаро-монгол и немцев вызвало образование в середине XIII столетия в Верхнем Понеманье нового государства: Великого княжества Литовского, которое выступило в качестве организационного центра в борьбе с новыми врагами, смертельно опасными для литвы и Западной Руси. Столицей этого государства стал древнерусский Новогрудок. В границы ВКЛ вошли: Гродно, Волковыск, Слоним, Звидов, расположенные поблизости от Немана. Тогда между литвой и русским населением отмеченного региона сложились отчасти взаимовыгодные отношения: в противостоянии крестоносцам литва была заинтересована в русской помощи, а русские остро нуждались в ней для того, чтобы не попасть под татаро-монгольский гнет¹.

Такой симбиоз был выгоден с точки зрения чисто политической (в виду внешней

опасности), но с точки зрения перспектив дальнейшего развития в Западной Руси церковной жизни он желал много лучшего. Сразу же, выйдя на первые роли в новом государстве, Великие литовские князья мало заботились о том, как протекала в нём церковная жизнь. Больше для видимости покровительствуя православным подданным (с целью удержания власти), они, как показало развитие событий в последующем, проводили политику далёкую от интересов Церкви. Это и явилось главной причиной упадка.

Следует отметить, что в основном, вплоть до Ягайло (1377 — 1434), Великие князья литовские держались язычества. Ярким примером тому может служить Миндовг (ок. 1230 — 1263). Если верить сообщению Густынской летописи (XVII в.) в 1246 году в Новогрудке он принял «веру христианскую от востока со многими своими боярь»², руководствуясь при этом исключительно политическими соображениями, в основе которых лежало его стремление вокняжиться в древнерусском Новогрудке. После того как соперник Миндовга литовский князь Товтивилл (+ 1263), сидевший в Полоцке, прибыл в Ригу и перешёл там в латинство, напуганный угрозой исходившей от Ливонского ордена Миндовг в 1252 году также обращается в римо-католичество. С ослаблением угрозы со стороны немцев, в 1260 году он возвращается в язычество, которого по существу никогда не оставлял. Подобные «шатания» не могли оказывать благоприятное воздействие на состояние церковной жизни в Великом княжестве Литовском.

Иначе вёл себя сын Миндовга — Войшелг (1264 — 1268), к сожалению, княживший не долго. По сообщению Ипатьевской летописи он крестился в Новогрудке, потом, посетив Вольнь, принял монашество и даже пробывал совершить, неудавшееся правда, паломничество на Святую гору (вероятно, Афон). Вернувшись из па-

ломничества, Войшелг основал «на реке на Немне меж Литвою и Новымъ городкомъ» монастырь³. Не исключено, что этим монастырём была Святая Успенская Лаврышевская обитель, открытая в XIII столетии⁴. С конца XIII — начала XIV веков сохранилось Лаврышевское евангелие-апракос, представляющее собою наиболее изученный памятник ранней западнорусской письменности.

Со смертью Войшелга в Литве и западнорусских землях возросла политическая нестабильность. В 1270 — 1282 годах в Новогрудке княжил Тройден, по свидетельству летописца «проклятый, бесчестный и немилосердный... он был такой же злодей, что Антиох Сирийский, Ирод Иерусалимский и Нерон Римский»⁵. Его братья: Броза, Сирпутий, Лесий и Свилкели держались православия, но все умерли при жизни Тройдена.

В 1274 году войско Тройдена захватило в день Святой Пасхи Дрогичин «и перебили там всех от мала до велика». В отместку за это в 70-е годы XIII столетия в направлении Новогрудка по почину Галицко-Волыньских князей было осуществлено несколько татарских вторжений, которые несли разорение местному обществу.

Пагубное воздействие на церковную жизнь в Великом Княжестве Литовском оказали в это время также пруссы, принятые Тройденом в 1276 году «из своей земли», откуда их изгнали немцы. Они ещё больше усилили языческие настроения среди литовцев и соприкасавшихся с ними предков белорусов, проживавших в области Понеманья.

Занимавшие великокняжеский стол после Миндовга и Тройдена: Витень (1293 — 1316), Гедимин (1316 — 1341), Ольгерд (1345 — 1377), Кейстут (+ 1381), как и подавляющее большинство их соплеменников, оставались приверженцами идолопоклонства. Об этом хорошо были

осведомлены в соседней Московской Руси. Поэтому не случайно один из Великих князей Явнута (1342 — 1345), свергнутый с престола братьями Ольгердом и Кейстутом, бежав в Москву, принял там святое крещение с именем Иоанн. Крестилась и прибывшая с ним дружина.

Сильной привязанностью к язычеству первенствующих литовских князей в значительной степени объясняется то обстоятельство, что в XIII — первой половине XIV веков западнорусские епархии ни разу не посетили киевские митрополиты, с 1299 года проживавшие в Северо-Восточной Руси. Это особенно обращает на себя внимание, если учесть, что митрополиты: Кирилл II (1242/47 — 1281), Максим (1283 — 1305), Пётр (1305 — 1326), Феогност (1328 — 1353), очень часто объезжали подведомственные им епархии. Когда же митрополит Алексий (1354 — 1378) приехал в Киев, входивший в 1358 году в сферу политического влияния Великого князя Ольгерда, то он чуть не поплатился жизнью, так как был схвачен и посажен в темницу и только по Милости Божьей сумел бежать.

Вероисповедная политика Великих литовских князей при общем характере бездеятельного покровительства православным в отношении западной части современной Белоруссии и её восточных пределов имела свои отличия, обусловленные тем, что Восточная Белоруссия (Полоцко-Витебская земля) оказавшись в области литовского политического влияния сумела сохранить, в отличие от западной, достаточно широкую автономию в рамках Великого княжества Литовского.

В этой связи характерно, что после упадка древнерусской княжеской власти в Полоцкой земле в XIII — XV веках утвердился коллективный патронат князей и бояр над местной епископской кафедрой, а также Спасо-Евфросиньевским монасты-

рём. Даже в XVI столетии полоцкие владыки занимали свою кафедру по челобитью здешних бояр. Правящий Полоцкий архиерей считался старшим представителем всей Полоцкой земли, его печатью (после великокняжеской) скреплялись важные государственные документы; он представлял Полоцкую землю в её отношениях с Ригой (что подтверждает грамота епископа Иоакова составленная ок. 1300 г.), он же подписывал договор 1338 года с Ливонским орденом⁶.

В этом проявлялось наследие тех традиций политической и культурной жизни, которые прочно утвердились в Полоцко-Витебской земле ещё в XI — XII веках. Здесь жизнь Церкви протекала более независимо от великокняжеской власти, чем на западе нынешней Белоруссии. Она была регламентирована специальными соглашениями (в XVI ст. послужившими основой областных привилегий), которые ограждали её права. И всё же даже в таких условиях в церковной жизни Полоцкой земли в XIII — XVI веках наблюдается мало выдающегося.

Православная Церковь в Великом княжестве Литовском переживала странное состояние. В его пределах, в XIV столетии вобравших в себя большую часть земель Киевской Руси «...за время от нашествия монголов... было основано несравненно меньшее количество монастырей, чем в Руси Московской...»⁷. То же самое наблюдалось в области канонизации новых святых. За четыре столетия (!) в Великом княжестве был прославлен лишь Преп.Елисей Лаврышевский (на Виленском соборе 1514 г.) и, возможно, Св.Макарий, митрополит Киевский (+1497), «...здесь при чужом и иноверном владычестве новые монастыри не только не могли рассчитывать на пособия и льготы со стороны правительства, как это было в Московской Руси, но и прямо встретили бы с его стороны противодействие... при чужом, иноверном и прямо

враждебном Православной Церкви правительстве... не стала делом обычным забота о наружном прославлении и каких бы то ни было подвижников...»⁸.

В XIII столетии в Западной Руси замирает строительство новых каменных храмов. Вплоть до «самага канца XV стаалецьця мы не знаходзім у Беларусі аніводнага манумэнтальнага помніку царкоунае архітэктуры»⁹. Только на юге современной Белоруссии известны случаи построения в XIII веке каменных церквей. Инициатива их возведения принадлежала Волынскому князю Владимиру Васильковичу (1289). В Бресте он построил церковь в честь Св.Ап.Петра, в Каменце — храм Благовещенья. Оба эти города с тяготевшими к ним землями в XIII столетии находились вне пределов зарождавшегося Великого княжества Литовского.

Начиная с Гедимина Великие князя Литовские, враждующие с Московским княжеством и проживавшими в его пределах киевскими митрополитами, предпринимали попытки устроить в своём государстве особую митрополию в центре в Новогрудке. Около 1317 года Гедимину удалось добиться перед Константинополем поставления в Новгород митрополита Феофила, о котором сообщается в актах Константинопольского Патриархата с 1317 по 1329 год. Под управлением Феофила кроме Полоцкой епархии перешли обширные территории, входившие ранее в состав Туровской кафедры, которая с конца XII до начала XIV столетия ни разу (!) не упоминается в исторических источниках. Эти территории получили статус митрополичьих. В 1330 году Феофил умер и Литовско-Новгородская митрополия (как её иногда называют в литературе) временно прекратила своё существование.

Можно предположить, что при митрополите Феофиле в Новогрудке, на детинце, была возведена небольшая каменная цер-

ковь Пресвятой Богородицы, ставшая кафедральным собором Литовской митрополии. Во всяком случае, судя по археологическим данным построение этой церкви относится к первой половине XIV столетия¹⁰.

В 1347 году в истории Великого княжества Литовского произошло событие потрясшее многих современников. В Вильно мученическую смерть от язычников приняли Нежило, Кумец и Круглец, во святом крещении Антоний, Иоанн и Евстафий. Их умертвили по настоянию языческих жрецов за то, что они служа при дворе Ольгерда не пожелали отречься от веры православной.

Это событие убедительно свидетельствует о том, насколько сильны были языческие настроения в Вильно, ставшем к тому времени столицей Великого Княжества. Потворствуя этим настроениям, Ольгерд, как и его предшественники, решительно противился обращению литовцев в православие.

Заслуживает внимания тот факт, что канонизация виленских муеников совершилась не в ВКЛ, а за его пределами (не позднее 1374 года) по благословию Константинопольского Патриарха Филофея Коккина (1353 — 1354; 1364 — 1376). Их житие было «...писано либо на юге славянства, либо у греков, скорее среди последних... Тогда же и там же была составлена служба мученикам»¹¹. Вскоре после канонизации виленских мучеников Патриарх Филофей прислал Преподобному Сергию Радонежскому крест с частицей мощей этих святых. В конце 60 — начале 70-х годов XIV века на месте кончины Антония, Иоанна и Евстафия была построена церковь Святой Троицы.

Попытки создания особой митрополии в границах Великого княжества Литовского продолжились и после Гедимина. В 1352 году Ольгерд отправил в Константинополь своего ставленника Феодорита с

просьбой посвятить его в митрополиты. Последний однако не получил искомого сана. На обратном пути Феодорит заехал в Тырново, где в нарушение канонов принял посвящение в митрополиты от Болгарского Патриарха. Вернувшись домой, он около двух лет управлял западнорусскими епархиями, затем был низложен и отлучён от Церкви.

В 1354 году Ольгерд сумел договориться с Константинополем о поставлении в митрополиты «на землю Литовскую и Волынскую» Романа (+1362), родом тверитянина. При этом Киев должен был остаться под властью проживавшего в Москве митрополита Алексия. Такое положение дел не устраивало Романа и он вознамерился подчинить Киев себе, а вместе с ним Тверскую и Брянскую епархии. Из-за этого в русской церковной жизни возникли многие нестроения. Следуя в фарватере политики, которую за объединение русских земель проводили Литва и Москва, оба митрополита, и Роман, и Св.Алексий стремились в дальнейшем объять своей юрисдикцией всю Русь, что, естественно, вызывало конфликты. Со смертью Романа особая митрополия в Великом княжестве Литовском вновь была упразднена и западнорусские епархии отошли под омофор Св.Алексия, но по причине враждебного отношения состороны Ольгерда он не мог их окормлять.

Ко времени правления Ольгерда относится построение в Вильно нескольких православных храмов. Заслуга их возведения принадлежала жёнам этого князя: Марии Витебской и Юлиании Тверской. На средства Марии была построена Пятницкая церковь — первый православный каменный храм Вильно. Старанием второй жены Юлиании выстроили Свято-Николаевскую церковь и кафедральный Пречистенский собор.

Эти храмы отличались небольшими размерами. За исключением Пятницкого, они были

заново отстроены в бытность митрополита Иосифа Солтана (1508 — 1522), когда в Великом княжестве Литовском на непродолжительное время возродилось каменное монументальное церковное зодчество.

С именем Ольгерда предание связывает появление в вильно Остробрамской чудотворной иконы Божьей Матери, привезённой им из военного похода 1362 года, направленного против татар. И сегодня эта икона считается величайшей святыней западно-русского православного мира.

В 1375 году ещё при жизни Св.Алексия (+1378) на Киевскую митрополию был посвящён болгарский монах Киприан (+1406), горячий приверженец исихастской духовности. Его поставление на занятую кафедру объяснялось тем, что Св.Алексий упорно не допускался Ольгердом в пределы Великого княжества, так что церковная жизнь там пришла в состояние редкого расстройтва.

Вскоре приехав в Литву, митрополит Киприан в письме к Преп.Сергию Радонежскому следующим образом описал увиденное им: «Аще был есмь в Литве, много христиан горькаго пленения освободил есмь, мнози от ненавидящих Бога познали нами истинного Бога и к православной вере святым крещением пришли. Церкви святые ставил есмь, христианство утвердил есмь... Новый Городок Литовский давно отпал, и яз его оправил»¹².

Возможно, находясь в Новогрудке, митрополит Киприан распорядился обновить в нём кафедральную церковь Пресвятой Богородицы. Археологические находки говорят о том, что во второй половине 14 столетия внутри этого храма были возведены четыре каменных столпа, на которые поставили ранее отсутствовавший купол.

В 1377 году Великим Князем Литовским стал Ягайло Ольгердович (+1434). Его

приход к власти ознаменовал собою начало нового периода в конфессиональной истории Западной Руси. Приняв римокатолицизм и украсив себя в 1386 году польской короной, Ягайло пошёл на заключение Кревской династической унии с Польшей.

По условиям Кревской унии все литовцы-язычники должны были перейти в римокатоличество, кроме того им категорически запрещалось вступать в браки с православными по вероисповедению русскими людьми. За нарушение этого запрета «виновные» подвергались телесным наказаниям. Только изменив Православию можно было законно оформить брак с лицом латинского исповедания. Таково было первое ограничение в правах, родившееся в Великом княжестве на почве конфессиональных различий.

В 1387 году в Вильно была учреждена римо-католическая епископия. Её юрисдикция распространялась не только на земли Литвы, но и на территорию Западной Руси. К середине XVI века эта епископия благодаря огромным пожалованиям со стороны Великих князей и других лиц приверженных латинству превратилась в крупнейшего землевладельца. Размеры её земельной собственности значительно превосходили аналогичные владения Православной Церкви, со всеми вытекающими отсюда последствиями¹³.

В 1390 году митрополит Киприан окончательно обосновался в Москве, но и после этого он не перестал посещать западнорусские епархии. Ему удалось наладить более менее добрые отношения с польским королём Ягайло и Великим Князем Литовским Витовтом (1392 — 1430). В 1395/96 и 1404/06 годах митрополит Киприан приезжал в Литву. Во время последней поездки по настоянию Витовта он вынужден был отстранить от управления Туровской епархией епископа Антония. Возможно это

произошло потому, что Антоний несмотря на официальный запрет продолжал обращать литовцев в православную веру.

После смерти Киприана (+1406) Великий Князь Витовт в стремлении возвести на Киевскую митрополию своего кандидата отправил в Константинополь полоцкого архиепископа Феодосия, который однако не получил посвящения в митрополиты. Вместо него на Киевскую кафедру был возведён Фотий (1408 — 1431), что Витовт воспринял с большим неудовольствием.

Проживая в Северо-Восточной Руси митрополит Фотий старался посещать западнорусские епархии. В 1411 году он побывал в Киеве, где хиротонисал во епископы Туровские Евфимия. Вскоре между Фотием и Витовтом произошло резкое столкновение.

По началу Витовт исповедывал православную веру. В 1384 году даже жертвовал земли на содержание Трокского Рождества-Богородичного монастыря, но в 1385 году перешёл в католичество. Затем, поссорившись с Ягайло, из политического расчёта вернулся в православие, а после примирения с Ягайло в 1392 году вновь обратился в латинство. «Поганым отступником правяя веры Христианския» назвал его Псковский летописец».

В конце XIV столетия Витовт ликвидировал в своём государстве ряд удельных княжеств, преобразовав их в наместничества, что имело негативные последствия для Православной Церкви, так как областные князья из рода Гедиминовичей и Ольгердовичей, сидевшие в русских землях, благосклонно относились к церковным нуждам, являлись основателями новых храмов и монастырей. Так князь Симеон Лугвений Ольгердович (+1399) основал недалеко от Мстиславля Свято-Успенский и Свято-Онуфриевский монастыри. Князь Андрей Полоцкий (+1399) дал жалованную грамоту Свято-Троицкой обители, располагавшейся за рекой По-

лотою. Его сын князь Михаил Андреевич (+1385) основал в полоцком замке Свято-Петровский монастырь.

В 1412 году жалую привелегию римокатолическому костёлу открытому в Бресте Витовт попутно называл православный храм Святителю Николая, издревле действовавший там, синагогой. По замечанию Т. Нарбута говорить так о христианском храме значило не признавать его таковым¹⁴.

В 1413 году Витовт совместно с Ягайло издал Городельский привелей, декларировавший, что только католики могут занимать в Великом Княжестве высшие государственные должности, пользоваться имущественными льготами и иметь личные родовые гербы. Принятие этого привелея ещё более усугубило положение православного населения ВКЛ. После 1413 года «на всех видных административных постах Великого Княжества источники... указывают знатных литовских бояр»¹⁵. Оттеснив от кормила власти прежних областных князей, все они, исповедуя римокатолицизм, сели наместниками в исконно русских городах (в Полоцке — Товтко, в Витебске — Румбольт, в Гродно — Монтивил и т.д.). «Вместе с этой переменою и политическое преобладание собственной Литвы в составе земель ВКЛ определилось ещё резче и сильнее почувствовалось... Областные князья нередко проникались местными интересами и привязанностями, берегли самобытность областей... Иное стало, когда области потеряли своих князей и стали более чем прежде зависеть от центральной власти, когда эта власть стала посылать для управления ими литовских панов... При таких условиях политическое преобладание собственной Литовской земли начинало превращаться уже в настоящее господство»¹⁶.

Символично, что конфликт между Витовтом и Фотием обострился именно в 1414 году, то есть сразу же после издания Го-

родельского привелея. В результате Витовт запретил митрополиту Фотию посещать Великое княжество, конфисковал принадлежавшие ему земли и передал их в пользование литовским боярам (!).

Вознамерившись возобновить в своём государстве деятельность собой митрополии, Витовт в 1415 году собрал в Новогрудке (в кафедральной церкви Пресвятой Богородицы) восемь подвластных ему православных епископов, в том числе Феодосия Полоцкого и Евфимия Туровского, и потребовал от них избрать независимого от Москвы митрополита, не имея на то благословения Константинополя.

Осудив Фотия за то, что он недостаточно часто по их мнению посещал епархии ВКЛ, и сославшись на пример посвящения в митрополиты собором епископов Климента Смолятича (1147), собранные Витовтом владыки «возвели» в Киевские митрополиты архимандрита Григория Цамблака (+1419), который незадолго до этого за дерзкое намерение стать митрополитом был лишён священного сана Константинопольским Патриархом.

Григорий (Цамблак), родом болгарин, являлся племянником покойного митрополита Киприана. Он известен как талантливый церковный оратор и писатель, представитель Тырновской книжной школы. Ему принадлежит авторство многих произведений (Слов), в которых он прославлял Господские и Богородичные праздники и возносил похвалу святым угодникам Божьим. Большая часть его произведений вошла в так называемую «Книгу Григория Цамблака». В его творчестве нашли отражение события из церковной жизни Болгарии и Сербии, но никак не запечатлелись какие-либо факты из жизни Великого Княжества Литовского начала XV столетия. В Западной Руси он не имел последователей, которые бы развивали его проповеднический талант.

В 1418 году Григорий (Цамблак) по требованию Витовта посетил Константинопольский собор, где, среди прочего, обсуждался вопрос об унии. Заслуживает внимания то, что в том же 1418 году Папа Римский Мартин V, мечтая о возможной экспансии на Восток, назначил Ягайло и Витовта викариями римо-католического костёла для Новгорода и Пскова. Как известно эти мечты не реализовались. По возвращении из Константины Григорий (Цамблак) почил в 1419 году.

Витовт вынужден был снова признать полномочия митрополита Фотия, который неприменно этим воспользоваться. В 1420 году он прибыл в Новогрудок, затем посетил Киев, Мозырь, Слуцк, Вильно, Борисов, Друцк, Мстиславль, Смоленск. В 1423 и 1427 годах Фотий вновь приезжал в западнорусские епархии.

В 1430 году Витовт скончался. Только после его смерти «русские люди получили возможность деятельно вмешиваться в устроение как внешней судьбы, так и внутренней жизни государства в своих интересах»¹⁷.

Используя недовольство православной знати Великого Княжества, ущемлённой в правах дискриминационными положениями Кревской унии 1385 года и Городельского привелея 1413 года, на Великокняжеский стол взошёл Свидригайло Ольгердович (1430—1432). Его правление было коротким, однако имело одно важное последствие. В первой половине 30-х годов 15 века православные князья и бояре сумели добиться распространения на себя тех же имущественных, а отчасти и сословных прав, которыми до этого пользовались только католики. Частичное уравнение в правах тех и других было оформлено двумя привелеями: 1432 и 1434 годов. Первый издал Ягайло. Второй — князь Сигизмунд Кейстутович (1432—1440), с помощью поляков свергнувший Свидригайло с Виленского Великокняжеского стола. Лишь

одно очень важное положение Городельского привелея — право занимать высшие государственные должности — не получило распространения на православных.

Потеряв власть над Литвой, Свидригайло в 1432 году бежал в Полоцк. Здесь местные князья и бояре возвели его в достоинство Великого Князя Русского. На несколько лет ранее единое государство раскололось на два Великих Княжества: Литовское (во главе с Сигизмундом) и Русской (под началом Свидригайло).

Отличаясь крайней неуравновешенностью характера и непродуманностью действий, Свидригайло в конечном итоге потерпел сокрушительное поражение от Сигизмунда Кейстутовича. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в 1435 году за изменническое поведение (а именно контакты с Сигизмундом) по приказу Свидригайло в Витебске бы сожжён, поставленный в 1433 году в митрополиты Киевские, бывший Смоленский епископ Герасим. Такой поступок заставил многих отшатнуться от Свидригайло.

Одержавший над ним победу Сигизмунд сумел перетянуть на свою сторону многих князей и бояр исповедывавших православие, результатом чего явилось частичное преодоление того социального антогонизма внутри правящего класса общества, который с конца 14 века болезненно вызревал на почве межконфессиональной неприязни.

В 1435 году митрополитом Киевским и всея Руси в Константинополе поставили грека Исидора (+1463), ярого приверженца унии с Римом. Вскоре он отправился на Ферраро-Флорентийский собор (1439), где выступил одним из самых активных сторонников подчинения Православной Церкви власти Римских Пап. Любопытно, что в его свите совершенно не было представителей от духовенства Великого Княжества Литовского. Это объ-

яснялось, вероятно, тем, что он не успел ещё утвердиться в Западной Руси.

Возвращаясь из Флоренции Исидор постарался наверстать упущенное и в течение всего 1440 года беспрепятственно разъезжал по землям ВКЛ, проповедуя унию. В августе того же года, посетив Вильно, он неожиданно столкнулся с неприязненным отношением к унии, высказанным местным римо-католическим духовенством, которое враждебно относилось к Папе Евгению IV, председательствовавшему на Флорентийском соборе и не желало идти ни на какие уступки православным.

По приезде в Москву Исидор был заточён в Чудов монастырь. Бежав из него, он вновь посетил Великое Княжество, побывав в Новогрудке и других местах. Его проповедь унии не имела успеха ни в Москве, ни в Литве. Осознав это, Исидор навсегда удалился в Италию.

В 1448 году собором епископов Северо-Восточной Руси в митрополиты Киевские был возведён Рязанский епископ Св.Иона (+ 1461). В виду заключения греками Флорентийской унии русские епископы не обратились за благословением в Константинополь, проведя собор самостоятельно.

В 1451 году Св.Иона был признан Великим Князем Литовским Казимиром Ягеллончиком (1440 — 1492). Специальной грамотой он разрешил Св.Ионе возглавить православные епархии в западнорусских землях. В продолжение последующих восьми лет Св.Иона был единственным митрополитом и для Московской, и для Литовской Руси. Ситуация изменилась в 1458 году, когда под влиянием ухудшившихся политических отношений с Москвой Казимир лишил Св.Иону права духовно окормлять западнорусские епархии и принял на его место униатского митрополита Григория Болгарина, ученика Исидора, присланного из Рима. В За-

падной Руси опять образовалась отдельная митрополия.

Таким образом, обзрев церковную жизнь в Великом Княжестве Литовском с XIII века до окончательного образования в его землях отдельной митрополии в 1458 году, мы должны отметить то печальное обстоятельство, что она протекала в условиях мало для неё благоприятных.

Вероисповедная политика Великих Литовских Князей, вначале державшихся язычества, а с конца XIV столетия перешедших в латинство, не способствовала какому-либо духовному подъёму среди местного православного общества. Гедимин, Ольгерд, Витовт целенаправленно добивались учреждения в ВКЛ особой митрополии, но при этом исходили исключительно из политических соображений и не заботились о том, чтобы в их государстве церковная жизнь развивалась также плодотворно, как в соседней Северо-Восточной Руси.

Поэтому Константинопольские Патриархи в спорах о разделе единой Киевской митрополии, периодически возникавших в XIV — начале XV века в основном держали сторону Москвы.

Глубоко прав отец Иоанн Мейендорф, отмечавший в связи с этим, что «именно Северо-Восточная Русь, а не Литва, была в XIV веке истинной выразительницей византийских культурных тенденций. Именно там, а не Юго-Западе параллельно с развитием монашества возникло искусство Феофана Грека и Андрея Рублёва, именно там цвело архитектурно творчество и вообще оригинальное культурное строительство. Мы не знаем о параллельном развитии на территории Литовского великого княжества»¹⁸.

Конечно, можно вспомнить и назвать некоторые памятники бытовавшие в западно-русской церковной жизни в XIV — первой

половине XV веков. В это время были созданы Дружкое, Мстижское, Пинское евангелия. Уникальным памятником иконописи этого же периода является Малоритская икона Божьей Матери «Умиление». Где-то в конце XIV — начале XV веков в Смоленске, вошедшем в состав Великого Княжества Литовского, начали создавать западно-русские (белорусско-литовские) летописи. Однако все эти события блекнут, теряются на сером, крайне невыразительном общем фоне западнорусской церковной жизни.

«Поразителен контраст между судьбами русской культуры, с одной стороны, в условиях монгольского и, с другой стороны, литовско-польского владычества. В условиях первого был подготовлен культурный расцвет Московской Руси XV — XVI веков. В условиях второго культура русского племени... в конце концов почти исчезла с поверхности исторической жизни»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.Л.Насевіч. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: падзеі і асобы. — Мн., 1993. — С. 60.

² Макарий. Т. III. С. 82.

³ ПСРА. Т. 2. Стб. 859.

⁴ Н.Н.Улащик. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. — М., 1985. — С. 168.

⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 869.

⁶ А.П.Сапунов. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времён. — Витебск., 1889. — С. 19, 23 — 24.

⁷ Е.Голубинский. История канонизации святых в Русской Церкви. — М., 1903. — С. 222.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ М.Шчакаціхін. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т.1.— Мн., 1928. — С. 139.

¹⁰ А.М.Кушнярэвіч. Культывае дойдства Беларусі 13 — 16 стст. — Мн., 1993. — С. 27.

¹¹ М.Н. Сперанский. Сербское житие литовских мучеников. — М., 1909. — С. 19.

¹² Протоиерей Иоанн Мейендорф. История Церкви и восточно-христианская мистика. — М., 2004. — С. 541.

¹³ Ochmanski J. Biskupstwo wilenskie w sriedniowieczu. — Poznan., 1972. — S. 95 — 97, 106 — 107.

¹⁴ Narbutt T. Dzieje starozytne narodu Litewskiego. T. 1. — Wilno., 1839. — S. 399.

¹⁵ М.Любавский. Литовско-Русский сейм. — М., 1901. — С. 50.

¹⁶ Там же. С.60 — 61.

¹⁷ Там же. С. 62.

¹⁸ Прот.Иоанн Мейендорф. История Церкви и Восточно-христианская мистика. — М., 2000. — С. 571.

¹⁹ Пётр Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. — С. 309.